

УДК 94(5)

БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИОЛОГОВ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

Рассмотрены представления классиков социологии о будущем, высказанные ими в конце XIX – начале XX в. Показано, что ни М. Вебер, ни Э. Дюркгейм не были социальными оптимистами и не переоценивали возможности рационализации общества, а К. Маркс ожидал достаточно скорой гибели капитализма. Взгляды классиков сравниваются со взглядами на будущее современных зарубежных социологов из ведущих западных стран, которые по-прежнему представляют собой социологический мейнстрим. На основе использования сравнительной исторической методологии исследования общества раскрыты современные подходы к будущему социологов, представляющих ключевые в социологическом контексте страны. Значительное внимание уделено концепциям «многообразия модернов», каждый из которых имеет свои варианты развития и свои доминирующие проблемы. Раскрыты причины многообразия современных подходов к обществу, связанные со сложностью и большой дифференциацией развития разных регионов мира. Подчеркивается, что в современной западной социологии преобладает позиция неопределенности в отношении как настоящего, так и будущего общества. Делается вывод о необходимости интеграции разных видов социологического анализа, отказа от любых монистических подходов к обществу.

Ключевые слова: история социологии; будущее общества; социальная теория; неопределенность; контингентность; глобализация.

FUTURE OF SOCIETY WITHIN THE FRAMEWORK OF WESTERN SOCIOLOGY

L. G. TITARENKO^a

^a*Belarusian State University, Nevazisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

Considered are the views on the future expressed by the sociological classics in late 19th – early 20th centuries. The author of the article shows that neither Weber nor Durkheim were social optimists; they did not overestimate the possibilities of rationalization of a society, while Marx expected the crash of capitalism fast enough. The classics' views on the future society are compared with those of modern foreign sociologists from the leading Western countries which are still the sociological mainstream. The comparative historical research methodology is used to reveal the modern sociological approaches to the future developed by the scientists representing the key sociological countries. Considerable attention is paid to the conceptions of multiple modernities, each of them having its own variants of development and dominating problems. The reasons for the variety of contemporary approaches to the society, connected to the complexity of current development and high level of differentiation between the world regions are discovered. It is stressed that the position of uncertainty in relation to both the present and future society prevails in modern Western sociology. The conclusion to necessitate integration of different kinds of sociological analysis and abandonment from any monist approach to the society is made.

Key words: history of sociology; future of society; social theory; uncertainty; contingency; multi-dimensional approach; globalization.

Образец цитирования:

Титаренко Л. Г. Будущее общества сквозь призму взглядов зарубежных социологов // Социология. 2016. № 3. С. 18–27.

For citation:

Titarenko L. G. Future of society within the framework of Western sociology. *Sotsiologiya*. 2016. No. 3. P. 18–27 (in Russ.).

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larisa Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social studies.
larisa166@mail.ru

Будущее общества: постановка проблемы

Тема будущего всегда волновала человечество и вызывала интерес ученых. В отдельные периоды интерес к будущему резко возрастал. Эпохи кризиса – именно такое время. Современный кризис в той или иной степени характерен для всего глобального общества, что подтверждают многие индикаторы: финансовый кризис, упадок морали, деградация экологической среды, международный терроризм, угроза новой ядерной войны и т. д. Наука не смогла предвидеть многие формы деградации современного мира. Поэтому доверие населения к науке снизилось значительно и повсеместно. Если полвека назад аргументы науки звучали убедительно и для политиков, и для широких масс, то теперь, как показывают, например, данные *General Social Survey* (США), предпочтения населения изменились. Латентный анализ позволил выделить три группы людей в зависимости от их отношения к науке и религии: традиционалисты (43 %), сохраняющие приверженность религии; модернисты (36 %), отдающие приоритет науке; постсекуляристы (21 %), имеющие одинаковое отношение к науке и религии (хотя в вопросах происхождения человека представители этой группы намного ближе к религии, чем к теории Дарвина). При этом даже модернисты сохраняют приверженность некоторым религиозным идеям (отношение к абортам, однополым бракам). Таким образом, к научным доводам в современном западном обществе прислушивается примерно одна треть опрошенных [1, р. 92].

Глобальный кризис обнажает новые и обостряет старые проблемы, возрождая, казалось бы, уже изжитые идеи и представления массового сознания. Проявляется он и в том, что во всем мире сокращается финансирование научных исследований (за исключением военных разработок). Вместе с тем социально-экономический кризис активизирует интеллектуальные усилия ученых и поэтому сопровождается активными спорами в науке: возникает много позиций и сценариев будущего, которые широко дискутируются обычно в те моменты, когда появляется новая концепция или новый подход, изменяющий привычные представления, провоцирующие представителей разных наук к обсуждению и рефлексии относительно выдвинутых идей.

Такой прецедент имел место в 2014 г. в связи с публикацией работы экономиста Т. Пикетти «Капитал XXI века» [2], которую П. Кругман на страницах влиятельной газеты *The Financial Times* назвал книгой года. Т. Пикетти сделал математически обоснованный прогноз о дальнейшем росте социального неравенства и поляризации бедности и богатства. Так, в руках самой богатой части мирового населения, составляющей 0,1 % людей земли, сегодня сосредоточено больше богатств, чем у остального населения мира. Данная работа активизировала дискурс будущего не только в западном научном сообществе [3; 4], но и в российской социологии [5], особый вес придав исторической социологии, публикации по которой актуализировались.

В советскую эпоху проблемы будущего и его прогнозирования были популярны в социологии, что в какой-то степени соответствовало актуальности проблематики и на мировом уровне. Достаточно вспомнить журнал *Futurist*, работы Римского клуба, множество сценариев будущего, разработанных под руководством Г. Кана, которые, несомненно, не могли быть не замечены советскими историками, социологами, политологами и требовали ответа [6; 7]. Однако разница между настоящим и прошлым в том, что прогноз будущего капиталистического общества, сделанный Т. Пикетти, настолько перекликается с прогнозом К. Маркса о неминуемом крахе капитализма XIX в., который не получил своего эмпирического подтверждения в XX в., не вызвал единодушной поддержки либерально мыслящих западных (да и не только) ученых. Ключевая идея книги о том, что в мире стало больше неравенства, а накопление богатства на одном полюсе приведет либо к социальному взрыву, либо потребует скорых реформ капитализма,

не отличается оригинальностью, несмотря на ее подкрепление многочисленными экономическими данными. Очевидно, что капитализм постоянно развивается и меняет свои формы, однако последнее не означает его неминуемого краха в обозримом будущем.

В российском сообществе прогноз будущего Т. Пикетти не был принят только позитивно, так как сегодня многие ученые предпочитают не делать прогнозов сами и не разделяют чужих взглядов. Вместе с тем под влиянием прошедшего в 2014 г. очередного Всемирного конгресса социологии, где широко обсуждались альтернативы современному социальному неравенству и на пленарном заседании выступил единомышленник М. Буравого Э. О. Райт с тезисом о необходимости новых утопий (читай: новых теоретических прогнозов будущего), проблематика будущего актуализировалась, стала постоянной и для зарубежных, и для российских социологических публикаций.

Цель данной статьи – раскрыть современные подходы к будущему социологов, представляющих ключевые, в социологическом контексте, страны. Выбор стран обусловлен тем, что, хотя социология потенциально становится глобальной, неравенство внутри дисциплины сохраняется, как сохраняется и внимание, которое по-прежнему уделяется мировым социологическим сообществом этой области знаний в США, Германии, Франции, Великобритании. Социологи-классики из этих стран занимают первые места в верхней десятке, обычно представленной в социологических опросах [8, с. 19], вместе с тем на место «классиков современности» и ныне претендуют ученые из тех же стран: И. Валлерстайн, Дж. Александер, М. Кастельс, Д. Урри и др.

В современную эпоху география социологии расширилась, но вес разных регионов остался дифференцированным. Бесспорно, что сегодня социология активно развивается везде, но в центре внимания авторов – разные проблемы. Как отмечает шведский социолог Й. Терборн, в странах Латинской Америки (Бразилия, Аргентина) на первый план выступают проблемы вопиющего социального неравенства и преодоления наследия постколониализма, в Китае – экономического роста. Тот факт, что многие социологи публикуются на национальных языках, делает их работы невидимыми на глобальном уровне, где доминируют англоязычные журналы. По той же причине, считает И. Терборн, Западу неизвестны и многие российские авторы, которые пока на удивление плохо представлены на европейской и глобальной научной сцене [9, с. 13–16]. Видимо, пройдет еще не один десяток лет, когда в этот ряд на равных с социологами из североатлантического региона будут включены российские, индийские или бразильские исследователи. Анализ их работ – задача отдельной статьи.

Экскурс в классику

Начнем с классиков социологии, чтобы понять, была ли их позиция оптимистичной, а после этого рассмотрим, насколько изменились современные представления о будущем. Напомним, что классики социологии во многом рассматривали эту дисциплину как науку, которая развивается в современном им кризисном обществе; поэтому она призвана изучать и объяснять, почему это общество находится в состоянии кризиса и каким образом из него можно выйти. Отсюда – их интерес к путям развития общества и его будущему. К. Маркс полагал, что социальный кризис связан с развитием капитализма, поэтому неминуема социальная революция, которая одна только и может вывести общество из критического состояния. И это было сказано в эпоху, когда мировых экономических кризисов еще не было! Тем не менее радикальный переворот в социально-экономических отношениях и переход власти к другому классу К. Маркс считал объективно обоснованным и необходимым, т. е. детерминированным социально-экономическими факторами. Учитывая это, можно считать философа оптимистом в отношении будущего:

капитализм находится в кризисе, но законы истории неминуемо ведут общество к революции и построению коммунизма.

Э. Дюркгейм также исходил из того, что современное ему общество находится в состоянии аномии, которая «является причиной <...> постоянно повторяющихся конфликтов и разнообразных проявлений нарушения социального порядка»¹ [10, р. 5]. Но это состояние представлялось ему не девиацией, а нормой, порожденной социальной средой (как и преступность, которую никогда и нигде нельзя искоренить). Указанные взгляды были развиты французским социологом и в работах «Разделение общественного труда» и «Правила социологического метода». По его мнению, хроническая аномия – норма развития капиталистического общества на этапе модерна. Ничего другого Э. Дюркгейм, как «теоретик кризиса» [11, с. 7], не предвидел и в будущем.

М. Вебер – несмотря на то что считается рационалистом и что именно в рациональности видел особенную черту западной цивилизации – также признавал, что общество развивается негармонично. Можно утверждать, вслед за немецким социологом Х.-П. Мюллером, что М. Вебер если и не пессимист, то уж точно не оптимист в отношении как настоящего, так и будущего: и то и другое подвержено влиянию двойственности и противоречивости, заложенной в самом проекте модерна – возможности как позитивного развития общества, так и противоположных тенденций. Поэтому будущее общества модерна трагично [12, р. 46–48]. Этот веберовский диагноз западной культуры позднее брали за образец критики модерна многие ученые, особенно неомарксисты: М. Хоркхаймер, Т. Адорно [13], Г. Маркузе [14] и др. Данный подход долго задавал тон в критике современного западного общества. Неслучайно и диагноз времени, данный в 1980-е гг. Ю. Хабермасом, – колонизация системой жизненного мира [15] – соответствует трагической амбивалентности модерна. Баланс, равновесие между системой и жизненным миром нарушены. Система наступает на жизненный мир: рационально управляемые экономические и политические процессы грозят полностью подчинить его. Социальная теория раскрывает сущность происходящих процессов, но сама не может их изменить.

В конце прошлого века диагнозы времени были популярны как особого рода доказательство тому, что социологическая наука не находится в состоянии кризиса, что она способна давать аналитические представления о современности, строить научно обоснованные прогнозы на будущее. В 1980-е гг. в процессе создания и обсуждения диагнозов современности кроме Ю. Хабермаса приняли участие другие известные авторы: З. Бауман, Р. Белла, У. Бек. Созданные ими краткие характеристики общества (диагнозы) сыграли важную роль не только в те годы, но и позднее, получив резонанс далеко за пределами социологии. Каждый диагноз времени, данный в 1980-е гг., можно рассматривать и как презентацию автором своей теоретической позиции, своих взглядов на ключевые вопросы современности. Ни один такой прогноз не был оптимистичным для общества, поскольку современность дает мало оснований для признания ее рациональной, гармоничной и соответствующей рационалистическим идеалам недавнего прошлого. Так, в журнале, ориентированном на рационализм, появилась знаковая статья, в которой утверждалось, что рационализм полностью сдал свои позиции в обществе и что «человек рациональный» тоже ушел в прошлое. По мнению автора статьи, для *Homo Economicus* «по-видимому, пробил последний час: как утверждают его многочисленные критики, его принцип оптимизации ожидаемой полезности не позволяет ни описать, ни объяснить, ни стандартизировать человеческое поведение в ситуации принятия решения» [16, р. 558]. Даже У. Бек, утверждавший, что современное общество – это общество глобального риска, и веривший в космополитизацию как позитивный тренд, предупреждал, что это пока не

¹ Здесь и далее перевод наш. – Л. Т.

реальность, а лишь тенденция развития [17]. Заметим, что 37-й конгресс Немецкого социологического общества (2014) назывался «Рутины кризиса»: все социальные процессы обсуждались во фрейме кризиса, а не космополитизма или глобализации. Таким образом, признание кризиса общества, кризиса социологии и рационализма можно считать фактом. Попытаемся разобраться, насколько он нов, адекватен реальности и насколько эти идеи разделяют западные социологи.

Поиски новых характеристик современного общества и его будущего

В начале нынешнего века «современные классики» социологии (или, скорее, те, кто находится на передовой линии ее развития) представляют целый спектр мнений по поводу оценки будущего. Многообразие мира и соответствующее ему многообразие социологических концепций, рефлексизирующих этот мир, получило признание в начале XXI в. Согласно концепции израильского социолога Ш. Айзенштадта о многообразии существующих типов модерна, кроме западного модерна существуют многие другие его паттерны; все они уникальны и отражают специфику развития своего региона [18]. Ш. Айзенштадт подробно описал в своих трудах японский модерн, проанализировал специфику израильского и китайского модерна. Другие авторы, развивая этот подход, пришли к признанию арабского модерна [19]. Социальный философ Й. Арнасон одним из первых представил советское общество как «особый тип модерна, потерпевшего неудачу» и констатировал, что подобная участь может ожидать и другие паттерны модерна ввиду его сущностной амбивалентности [20]. Й. Арнасон подчеркивал необходимость сравнительного исторического анализа любого общества и связывал его перспективы на будущее с возможностью адаптации к новым условиям и успешными заимствованиями идей и механизмов развития из других паттернов модерна [21]. На наш взгляд, в основу концепций неповторимости глобального Юга, или «южной теории», [22] легли идеи необходимости признания многообразия современности (а следовательно, и концепций для их объяснения и понимания) [23]. В мире сложилось много типов модерна, и нельзя, основываясь сугубо на научных критериях, определить, какой из них лучше или более развит. Они равноценны для истории как разные типы социокультурного развития, и их будущее может различаться. Мир глобализируется, но это не значит, что будущее будет одинаковым в разных регионах.

Различные взгляды на будущее социологии в меняющемся мире были изложены в коллективной монографии «Форма социологии для XXI в.: традиция и инновация», изданной Международной социологической ассоциацией еще до последнего социологического конгресса в 2014 г. Центральной идеей работы стала мысль о том, что современная социология не может копировать и тиражировать прежние научные образцы, хотя и опирается на теоретические традиции классики. Поэтому появляются модели «другой социологии», развиваются новые региональные центры, которые существенно отличаются от все еще доминирующей «западной социологии» и представленных ею образцов. Монография отразила необходимость в социологической рефлексии изменяющегося общества под разными углами зрения с целью определить пути, которыми социология может помочь обществу в сложный момент его развития, а также показать, как изменилась сама сфера социологии в переходную эпоху XX–XXI вв. [24, р. 3]. В работе представлены американские и европейские авторы, использовавшие разные теоретические подходы к интерпретации поставленных проблем. Так, П. Штомпка в качестве ведущей тенденции развития социологии назвал переход к «третьей социологии», М. Вивьерка – развитие социальных движений, С. Уолби – фокус социальной теории на проблеме неравенства и глобализации. Подчеркивалась необходимость для социологии нынешнего века быть более рефлексивной, интерпретативной и эмпирической (Г. Розенталь),

обосновывалась важность исторической социологии для поддержания связей между классикой и современностью (Э. Райс). А. Дэнис отметила, что социология XXI в. должна рефлексировать сложность и разнообразие глобализирующегося мира [25]. В данном фрейме постсоветская русскоязычная социология тоже была представлена как «иная» (т. е. не ориентированная на североатлантический образец и имеющая собственные аналитические приоритеты) социология [26].

Современность как неопределенность

В современной социологии получила распространение позиция неопределенности в отношении как настоящего, так и будущего общества. Позиция неопределенности означает признание того, что спонтанное развитие общества не позволяет предвидеть будущее с помощью тех детерминистских моделей, которые были популярны в науке ранее. Уже Н. Луман отказался от попыток устанавливать детерминированность каких-либо событий в функционировании социальных систем и вместо изучения каузальных (причинных) связей и выявления конечных целей предлагал искать «функциональные эквиваленты». Иначе говоря, речь идет об очередной смене научных идеалов и обновлении парадигм. Возможно, это симптомы новой глобальной научной революции, о которой сегодня много пишут [27, с. 356], смены всей научной картины мира. В социологии при характеристике этих процессов обычно речь идет об эпистемологических реконфигурациях, переходе науки на новый этап развития [28, с. 14].

Поэтому социология в ее прошлой форме (предвидение, прогнозы развития модерна, его анализ без опоры на серьезную эмпирическую базу) уже не нужна обществу, так как не дает нового знания для понимания современности. Эту область знаний необходимо развивать по-новому – с учетом чрезвычайно усложнившегося социума, интегрируя знания многих дисциплин. В условиях роста эмпиризации социологии в глобальном масштабе нужен акцент на развитие новых теорий, способных помочь в осмыслении мира [11, с. 13].

Известный немецкий социолог Х.-П. Мюллер, следуя в общем критическом русле в отношении общества модерна, указывает на турбулентность как на доминирующую черту современного мира. По его мнению, ситуация постоянной изменчивости делает будущее весьма неопределенным. Х.-П. Мюллер выделяет шесть главных мировых проблем, которыми должна заниматься социология:

- 1) демографический кризис и перенаселение Земли, включая массовую миграцию;
- 2) климатический кризис и глобальное потепление;
- 3) экономический кризис и нестабильность капиталистической системы;
- 4) рост социального неравенства и все еще огромная бедность;
- 5) растущий разрыв между Западом и остальным миром;
- 6) нарастающие разломы во всех частях мира и, по-видимому, растущее признание насилия как способа решения проблем.

Социология старается разрешить эти острые проблемы, но ей «не хватает дальновидности и перспективы, чтобы создать согласованную и всестороннюю интерпретацию этих знаков времени» [11, с. 13]. Вместе с тем социум еще не стал глобальным, поэтому каждый регион решает свои специфические проблемы, и социология региона / стран региона также должна заниматься именно своими актуальными темами. Очевидный мировой раскол – это пропасть между глобальным Севером и Югом. Поэтому социологи Юга фокусируются на проблемах неравенства и бедности. Однако есть и новый глобальный вызов, брошенный исламским миром, – международный терроризм. Эту проблематику необходимо изучать всем регионам.

Для социологии как науки важно не подменять реальный анализ нынешнего состояния общества морализированием, т. е. не учить людей,

какими они должны быть, и не оплакивать «мир, который мы потеряли». Надо заниматься научным анализом реального мира, используя при этом новые технические, биологические, психологические, экономические и другие достижения. Поэтому конструирование новых социальных теорий, адекватно рефлексирующих современный мир во всей его сложности, представляется весьма актуальным для современной социологии. Прежние социальные теории, даже созданные такими выдающимися авторами, как Н. Луман, Ю. Хабермас или П. Бурдьё, не способны этого сделать [11, с. 13], тогда как социология без новых теорий не сможет выполнить синтезирующую миссию обобщения научных знаний в конструкты, позволяющие рефлексировать современное общество и помогать людям в нем ориентироваться.

Рассмотрим представления о будущем общества автора теории креативного действия немецкого социолога Х. Йоаса. В своей новой книге «Вера как выбор. Возможное будущее христианства» он подчеркивает, что социология изначально развивалась как наука «кризисного общества», и никогда ей не предоставлялась возможность постигать общество, находящееся в периоде благополучия. Сегодня, как и раньше, социальные науки должны достойно отреагировать на потребность в анализе современного мира, поскольку «наличие этой потребности делает их присутствие видимым в публичной сфере именно в эпоху кризисов и процессов быстрого изменения» [29, р. 63]. Трудности современного состояния социологии связаны, по его мнению, с тем, что существует разрыв между многочисленными новыми данными об обществе и их интерпретацией (не всегда строго подтвержденной эмпирией, часто зависимой от политического и морального дискурса).

Что необходимо предпринять для преодоления этих трудностей? Во-первых, отказаться от различных «моноконцепций» общества, подчеркивающих какую-либо одну из его новых доминирующих черт. Имеются в виду такие концепции, как общество риска У. Бека, общество опыта Г. Шульце, коммуникативное общество, ответственное общество, сетевое общество и т. д. Данные концепции заставляют читателя принимать одностороннее определение общества, в то время как нельзя «выбирать» одно из этих определений: они все характеризуют общество, но с разных сторон. Нужна интеграция разных видов анализа, т. е. «многоперспективный анализ, позволяющий соединить рациональные моменты этих разрозненных перспектив» [29, р. 65]. Во-вторых, нужно переступить через популярные в конце XX в. теории, характеризующие современность как конец эпохи модерна и переход к новой эпохе постмодерна. Недостатки этих теорий в том, что они не определяют процесс перехода хронологически, т. е. не дают возможности указать, на какой ступени перехода мы находимся. Содержательно уязвимость теорий постмодерна состоит в том, что они не уточняют, идет речь о радикальных изменениях общества в культурных терминах или в терминах социальной структуры. Этот бесконечный поток идей, утверждающих радикальные «разрывы современности», постоянно становящихся очередными сенсациями новых «измов», утомил общественность. Никто не хочет чувствовать себя вне связи с миром, в котором он живет, поэтому общественность стала игнорировать подобные искусственные виды анализа. Должно пройти достаточно времени, чтобы можно было с уверенностью сказать, какие события и изменения были действительно историческими и ознаменовали поворот, а какие – нет. Теориям постмодерна не хватает баланса между непрерывностью и дискретностью. Видимо, «такой баланс и многомерность являются двумя главными критериями научного социологического анализа современного мира, если мы хотим сохранить исторический подход к обществу» [29, р. 65]. Как демонстрирует Х. Йоас на примере анализа будущего христианства, реализация такого подхода возможна через рефлексивное обновление концепции непредвиденности (контингентности). Данная концепция исходит из признания, что

в мире не действуют жесткие законы детерминации, а напротив, огромную роль играет случайность. Отсюда следует, что нельзя точно определить будущее мира. Можно лишь проанализировать вероятностные сценарии его развития и выяснить условия их реализации. На примере анализа современных войн Х. Йоас эмпирически показал, что многие важные события XX в. могли бы и не произойти, если бы не совпало несколько условий, сделавших их вероятность реальностью. По мнению ученого, наш век следует определить как «эру контингентности», в которой чрезвычайно увеличиваются возможности индивидуальных действий наряду с возрастающим количеством практик, вытекающих из массовых действий. Все эти действия в той или иной мере связаны между собой, но не являются строго необходимыми, детерминированными, т. е. «они объединяют случайность и свободное волеизъявление, порождая непредсказуемые последствия» [29, р. 73–75]. Подход контингентности, развиваемый Х. Йоасом, в определенной мере связан с позицией М. Вебера, который в своих трудах убедительно продемонстрировал, что рождение и развитие западноевропейского капитализма также стало результатом совпадения ряда уникальных условий и факторов, которые больше нигде в мире не повторились. Среди современных авторов, по мнению Йоаса, наиболее близок к использованию этого подхода Р. Коллинз, работы которого отличаются эвристичностью и глубиной аналитичностью.

Если глубже разобратся в том, какие вызовы эпоха неопределенности ставит человеку, то мы видим, что это требование развивать творчество и инновационность. С одной стороны, это требование эпохи, с другой стороны, эпоха в полной мере предоставляет эту возможность – через интернет, поиски, исследования. Наиболее активно поиск креативных идей и решений ведется в среде, которой присуща высокая степень неопределенности. Как считают некоторые российские авторы, такая среда – современное образование [30], а также интернет-пространство, которое может служить виртуальной экспериментальной творческой лабораторией, формирующей способности к креативному мышлению.

К числу западных социологов, критически оценивающих теории модерна, можно отнести и Й. Терборна. Среди выдающихся теоретиков современности он называет П. Бурдьё и Ч. Тилли, у которых, однако, нет достойных преемников. В отношении будущего социологии Й. Терборн, как и многие другие западные социологи, умеренно оптимистичен. По его мнению, первое десятилетие XXI в. не принесло «великой социологии». «Великие темы нашей эпохи все еще ждут, когда ими займутся в полном объеме: это и посткоммунистическое восстановление капитализма, и глобальное перемещение силы из Северно-Атлантического в Западно-Тихоокеанский регион, и экономико-социальная поляризация мира...» Остается не до конца проанализированной и тема возрастающего в глобальном мире неравенства [9, с. 14]. В отношении постсоветских социологов Й. Терборн считает, что им прежде всего надо всесторонне проанализировать «социальные достижения и фатальные провалы Советского Союза, а также динамику и последствия последующей реставрации капитализма» [9, с. 16].

Таким образом, современная ситуация развития социологии в мире относительно исследований его будущего является неопределенной, что дает основание некоторым авторам говорить о кризисе социологии. Возможный выход из кризиса лежит в развитии междисциплинарных исследований. По сути, теоретическая социология уже давно развивается в неразрывной связи и с социальной философией, и с психологией, и с антропологией, и с историей. Может быть, именно дальнейшее развитие междисциплинарности приведет к появлению новых классиков, об отсутствии которых с сожалением пишут нынешние социологи. Появится новый К. Маркс или М. Вебер, чьи работы будут отличаться глубоким всесторонним анализом актуальных проблем современности, опираться на объемную исследовательскую базу и давать перспективу. В противном случае у теоретической социологии нет

большого будущего. Поэтому научные работы, которые демонстрируют подобные подходы, уже сегодня вызывают большой интерес в глобальном научном сообществе [31] и стимулируют развитие социальной теории.

Социология была и остается наукой о настоящем, поэтому социологи должны очень тщательно изучать все изменения современного мира, включая и социальную, и иные сферы. То есть они должны «быть внимательными и не отставать от новых технических достижений и социального развития в современных обществах», если хотят развивать объяснительную функцию своей науки [11, с. 13].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. O'Brien T. L., Noy S. Traditional, Modern, and Post-Secular Perspectives on Science and Religion in the United States // *Am. Sociol. Rev.* 2015. Vol. 80, № 1. P. 92–115 [O'Brien T. L., Noy S. Traditional, Modern, and Post-Secular Perspectives on Science and Religion in the United States. *Am. Sociol. Rev.* 2015. Vol. 80, No. 1. P. 92–115 (in Engl.)].
2. Piketty T. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, 2014.
3. Tome E., Tiulkova N. Thomas Piketty's Capital in the 21st Century – an Analysis Based on Intellectual Capital // 7th European Conference on Intellectual Capital (ECIC) : proc. of the conf. (Cartagena, Spain, 9–10 April 2015). N. Y., 2015 [Tome E., Tiulkova N. Thomas Piketty's Capital in the 21st Century – an Analysis Based on Intellectual Capital // 7th European Conference on Intellectual Capital (ECIC) : proc. of the conf. (Cartagena, Spain, 9–10 April 2015). N. Y., 2015 (in Engl.)].
4. Burcharth M. Thomas Piketty Responds to His Critics // *Challenge*. 2014. Vol. 57, issue 4. P. 103–114 [Burcharth M. Thomas Piketty Responds to His Critics. *Challenge*. 2014. Vol. 57, issue 4. P. 103–114 (in Engl.)].
5. Романовский Н. В. Будущее как проблема современной социологии // *Социол. исслед.* 2015. № 11. С. 13–22 [Romanovskii N. V. Budushchee kak problema sovremennoi sotsiologii. *Sotsiologicheskie issled.* 2015. No. 11. P. 13–22 (in Russ.)].
6. Шахназаров Г. Х. *Грядущий миропорядок*. М., 1981.
7. Шахназаров Г. Х. *Куда идет человечество*. М., 1985.
8. Романовский Н. В. Июкогама: итоги и уроки // *Социол. исслед.* 2015. № 7. С. 15–24 [Romanovskii N. V. Iokohama: results and lessons. *Sotsiologicheskie issled.* 2015. No. 7. P. 15–24 (in Russ.)].
9. Интервью с профессором Йораном Терборном // *ЖССА*. 2013. Т. 16, № 1. С. 5–19 [Interv'y u s professorom Ioranom Terbornom // *J. sociol. soc. anthropol.* 2013. T. 16. No. 1. P. 5–19 (in Russ.)].
10. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. N. Y., 1960.
11. Interview with professor Hans-Peter Müller // *ЖССА*. 2016. Т. 19, № 1. С. 5–15 [Interview with professor Hans-Peter Müller // *J. sociol. soc. anthropol.* 2016. Vol. 19, No. 1. P. 5–15 (in Russ.)].
12. Müller H.-P. Rationalität, Rationalisierung, Rationalismus. Von Weber zu Bourdieu? // Maurer A., Schimank U. (eds.). *Die Rationalitäten des Sozialen*. Wiesbaden, 2011. S. 43–64.
13. Horkheimer M., Adorno Th. W. *Dialektik der Aufklärung*. Frankfurt am Main, 1985.
14. Маркузе Г. *Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества* : пер. с англ. М., 1994.
15. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main, 1981.
16. Baurmann M. Homo Ökonomikus als Idealtypus. Oder: Das Dilemma des Don Juan // *Anal. Krit.* 2008. № 30, issue 2. S. 555–573 [Baurmann M. Homo Ökonomikus als Idealtypus. Oder: Das Dilemma des Don Juan. *Anal. Krit.* 2008. No. 30, issue 2. P. 555–573 (in Engl.)].
17. Beck U., Cronin C. *Cosmopolitan Vision*. Cambridge, 2014.
18. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129, issue 1. P. 1–29 [Eisenstadt S. N. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000. Vol. 129, issue 1. P. 1–29 (in Engl.)].
19. Göle N. Snapshots of Islamic Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. P. 91–117 [Göle N. Snapshots of Islamic Modernities. *Daedalus*. 2000. Vol. 129. P. 91–117 (in Engl.)].
20. Arnason J. *The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model*. London, 1993.
21. Arnason J. P. *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden, 2003.
22. Connell R. *Southern Theory: The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Cambridge, 2007.
23. *Multiple Modernities* / ed. by S. N. Eisenstadt. London, 2002.
24. *The Shape of Sociology for the 21st Century: Tradition and Renewal* / ed by D. Kalekin-Fishman, A. Denis. London, 2012.

25. Denis A. Sociology for the 21st Century: Embracing Complexity, Diversity and a Global Perspective // D. Kalekin-Fishman, A. Denis (eds.) The Shape of Sociology for the 21st Century: Tradition and Renewal. London, 2012. P. 315–330.

26. Titarenko L. Post-Soviet Sociology as a Pattern of 'Another Sociology' // D. Kalekin-Fishman, A. Denis (eds.) The Shape of Sociology for the 21st Century: Tradition and Renewal. London, 2012. P. 218–238.

27. Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск, 2012.

28. Иванов Д. В. Эволюция социологии и эволюционное метатеоретизирование // Телескоп. 2013. № 4 (100). С. 13–19 [Ivanov D. V. Evolyutsiya sotsiologii i evolyutsionnoe metateoretizirovanie. *Teleskop*. 2013. No. 4 (100). P. 13–19 (in Russ.)].

29. Joas H. Faith as an Option. Possible Futures for Christianity. Stanford, 2015.

30. Ашмарин И. И., Степанова Г. Б. Человеческий потенциал студенчества в инновационном развитии России. М., 2015.

31. Bellah R. Religion in Human Evolution: From the Paleolithic to the Axial Age. Cambridge, 2011.

Статья поступила в редакцию 20.07.2016.
Received by editorial board 20.07.2016.